**ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
НОВОГО ТИПА ПРОСТОРЕЧИЯ В 20–30-е гг. XX в.****В.А.Саляев***Орловская региональная академия государственной службы, salve@list.ru*

Проанализированы политические, экономические, демографические, социальные и культурные факторы, которые способствовали качественному преобразованию структуры русского национального языка, всех форм его существования и формированию нового типа жаргонизированного просторечия, ставшего основой русского сленга.

Ключевые слова: *языковая ситуация, литературный язык, просторечие, сленг, демократизация как экстралингвистическое условие, волновая природа демократизации*

This article contains the analysis of political, economic, demographic, social and cultural factors that contributed to the qualitative transformation of the Russian linguistic structure, all the forms of it and a new type forming of a substandard colloquial language which became a basis of Russian slang.

Keywords: *state of language, standard language, colloquial language, slang, democratization as an extratextual factor, wave nature of democratization*

Развитие языка как явления социального связано с историей общества. Социальные процессы оказывают свое непосредственное воздействие на изменения во внешних языковых уровнях и опосредованно влияют на изменения в структуре национального языка, в соотношении его форм существования и социальных страт. Последнее утверждение мы попытаемся подтвердить рассмотрением истории русского просторечия, которое в 20–30-е гг. XX в. претерпело качественные преобразования как в своей структуре, так и в системе отношения с иными формами существования национального языка — литературным языком и диалектами. Кардинальные изменения в общественно-политической, экономической и культурной жизни страны и мира в значительной степени обусловили реструктуризацию национального языка и способствовали, в частности, формированию нового типа просторечия — жаргонизированного, которое в свою очередь стало основой для новой подструктуры — русского сленга. Под сленгом понимается субстандартная подсистема, занимающая промежуточное положение между социолектами и ненормативным городским просторечием и представленная преимущественно лексико-фразеологическими единицами, некогда бывшими достоянием ограниченной субстандартной сферы употребления, но впоследствии перешедшими в общий обиход (с семантической, экспрессивно-стилистической или людической трансформацией).

Основным фактором, обусловившим преобразование всех сторон социальной действительности, речевой деятельности и языковой структуры и в конечном итоге приведшим к формированию нового типа просторечия, стала *демократизация*. Понимаемая в узком политологическом смысле как процесс политических и социальных изменений, направленных на установление демократического строя, осуществляемых в том числе революционным путем [1], демократизация дала мощный импульс преобразованиям всех сторон жизни общества. Язык как инструмент и явление общественной жизни отражает и вбирает в себя все эти преобразования, поэтому демокра-

тизация должна трактоваться и как понятие социолингвистическое.

В последние годы в науке сложилось представление о демократизации как о процессе, имеющем *волновую* природу. Метафора волны в определении характера демократизационных процессов связана с признанием того факта, что периоды усиления (накаты) демократизационных тенденций последовательно чередуются с их ослаблением и даже обратным движением (откатом). Теория волн демократизации в политической науке была разработана С.Хантингтоном [2] и поддержана Ф.Шмиттером, М.Н.Грачевым и А.С.Мадатовым.

Американский политолог Ф.Шмиттер период 20-30-х гг. XX в. характеризует как второй период глобальной демократизации, берущий свое начало с окончания первой мировой войны, когда в результате поражения Германии, а также распада Российской и Австро-Венгерской империй, в Восточной и Центральной Европе появляются новые государства, во многих из которых первоначально устанавливаются демократические формы правления [3].

В социолингвистике основы понимания демократизации национального языка как волнового процесса были заложены Б.А.Лариным. Ученый, отмечая повторяемость периодов вульгаризации речи, пишет о том, что «историческая эволюция [национальных языков] может быть представлена как ряд последовательных «снижений», варваризаций, — но лучше сказать — как ряд концентрических развертываний» [4]. Суждения Б.А.Ларина были поддержаны и развиты в исследованиях М.А.Грачева, В.С.Елистратова и др. В частности, В.С.Елистратов выделяет в истории русского языка последних двух столетий четыре витка (волны) вульгаризации: 1) пушкинско-карамзинский; 2) разночинский; 3) послереволюционный; 4) современный — с середины 80-х годов [5]. Исследователи сходятся в мнении о том, что языковая ситуация 20-30-х гг. характеризуется вульгаризацией всех форм речевой деятельности, что свидетельствует о «накате» волны демократизации.

Политический базис демократизации общества и языка был заложен реформами 60-х гг. XIX в, а затем революциями 1905 и 1917 гг., в результате которых был разрушен прежний автократический и установлен демократический строй, была разрушена старая и сформирована новая система управления страной, на смену монархии пришла республика. Широкие народные массы, прежде отстраненные от власти, получили возможность через своих представителей (депутатов) и выборные органы (Советы) участвовать в управлении страной.

Экономической предпосылкой демократизации стала кардинальная реструктуризация форм хозяйствования в первые послереволюционные годы, которая вызвала экономический хаос, сопровождаемый снижением промышленного и сельскохозяйственного производства, разрухой, голодом, обострением социальных проблем, ростом преступности. В последующие годы острые экономические проблемы были в целом решены; в ходе индустриализации и коллективизации наметилась тенденция к превращению страны из аграрной в аграрно-индустриальную: восстанавливались и строились фабрики и заводы, росло промышленное производство, развивались города, укреплялось благосостояние населения.

Политическое и экономическое переустройство страны вызвало мощные демографические потрясения. Коренным образом изменилась сословно-классная структура общества: прежде привилегированные классы (дворянство) прекратили свое существование, ранее относительно малочисленные и угнетаемые классы (пролетариат) заняли господствующее положение. В это же время началась активная миграция населения, которая протекала в нескольких формах: 1) эмиграция представителей прежде привилегированных классов — носителей традиционных культурных ценностей и образцового литературного языка; 2) массовая депортация народов; 3) высылка трудоспособного и социального активного населения в отдаленные неосвоенные регионы; 4) перемещение населения из деревень в города в результате обнищания крестьянства.

В Советской России 20-30-х гг. происходили важные социальные преобразования. Экономические преобразования, прежде всего индустриализация и коллективизация, способствовали, с одной стороны, окончательному разрушению патриархальной замкнутости русской деревни и стиранию граней между городом и деревней, а с другой — росту городского населения и повышению роли города в жизни страны. Город становится центром политической, экономической и культурной жизни, происходит урбанизация общественной жизни.

Установление демократического строя способствовало росту социальной активности широких народных масс. Рабочие, крестьяне, получившие возможность участвовать в управлении страной, проявляли небывалый интерес к политической жизни. Активная риторическая деятельность, зачастую принимающая форму бескомпромиссной борьбы с оппонентами, в сочетании с общей идеологической и социальной неустроенностью способствовала повыше-

нию эмоционального фона эпохи послереволюционного переустройства. Важно при этом отметить, что состав участников публичной и массовой коммуникации кардинальным образом изменился: к активной риторике обратились люди, не получившие систематического образования, зачастую не владеющие литературным слогом.

Культурные условия, в которых протекал процесс демократизации национального языка, характеризуются двумя взаимоисключающими тенденциями. С одной стороны, в те годы активизируется борьба за повышение уровня культуры и грамотности населения: открываются новые школы, библиотеки и избы-читальни, организуются кружки по ликвидации неграмотности и т.д. Все это приводит к освоению широкими массами рабочих и крестьян норм литературного языка, расширению кругозора, приобщению к русской и мировой культуре. С другой стороны, краткосрочные курсы не могли дать систематического образования, и Советская Россия того времени все еще оставалась страной с низким уровнем грамотности.

В этих условиях чрезвычайно важной задачей была борьба за чистоту и правильность речи, прежде всего публичной, однако наука того времени не могла заложить основы нормативного регулирования. В первой половине 30-х гг. в стране не издавалось специальных журналов, посвященных вопросам культуры речи, не хватало пособий по русскому языку. В университетах страны не было филологических факультетов. Слабость научной базы была обусловлена и отсутствием специальных институтов, занимающихся изучением и регулированием современной речевой деятельности. Не было и основного ортологического регулятора — общего толкового словаря, снабженного продуманной системой нормативно-стилистических рекомендаций, соответствующих современному состоянию языка.

Описанные экстралингвистические факторы способствовали коррективке некоторых языковых функций.

1. В первые послереволюционные годы заметно активизировалась номинативная функция. Так, Е.Д.Поливанов, указывая на изменение состава носителей литературного языка, другим важным признаком языка революционной эпохи называл появление множества новых понятий и связанных с ними слов [6]. При этом большая часть новых слов оставалась непонятной широким народным массам.

2. В послереволюционные годы наблюдается усиление эмоционально-экспрессивной функции языка. При этом для выражения различных острых эмоциональных состояний (гнев, недовольство, ирония) служила инвективная лексика и фразеология. Подобного рода слова и обороты употреблялись в речи революционных, а затем и государственных деятелей, на митингах и собраниях, во время общения большевистских лидеров с народными массами. Подобное небрежение литературной нормой было названо *заезжательством*. Вполне естественно, что авторитет партийных и государственных руководителей, употребляющих в своей речи «крепкие», а зачастую и от-

кровенно бранные слова и выражения, не способствовали утверждению «высоких» речевых норм.

3. Отмечается и возрастание *суггестивности* языка в условиях активизации публичной речевой деятельности. Для участников дискуссий чрезвычайно важно было различными средствами воздействовать на оппонента с целью убеждения в своей правоте. Зачастую для этих целей использовались языковые средства из ненормативного лексикона, что также способствовало вульгаризации речи, в том числе и публичной.

4. Язык послереволюционной эпохи утрачивает свою *эстетичность*, что проявляется, по мысли Е.Д.Поливанова, в пренебрежении формальной стороной выражения мысли [7].

Под воздействием экстралингвистических факторов произошли изменения в языковой структуре, которые коснулись всех форм существования национального языка — литературного языка, территориальных диалектов, социальных диалектов и городского просторечия.

В развитии *литературного языка* отмечаются две взаимодополняющие тенденции: демократизация и кризис, сопоставимый с разрушением языкового стандарта.

В 1920-30-е гг. разрушается сословно-классовое «двуязычие», при котором носителями литературного языка были преимущественно представители «высших» сословий, а носителями просторечия и диалектов — представители «низких» сословий. Демократизация проявляется в том, что литературную норму начинают осваивать самые широкие народные массы рабочих и крестьян, не обладающие достаточным уровнем образования и культуры.

Однако при этом в условиях отсутствия научной базы нормативного регулирования, низкого уровня грамотности населения, активизации экспрессивных и суггестивных форм публичной коммуникации, сопровождаемой проникновением в общий обиход большого количества сниженных элементов — диалектных, просторечных, жаргонных, арготических, вульгарных — возникает угроза разрушения литературного языка и низложения его до «непричесанного» пролетарского языка. Подобное низложение литературного языка многими даже приветствовалось; писатели, критики, лингвисты выступали за отказ от «старого» литературного языка, якобы выработанного ничтожным привилегированным меньшинством и служащего средством общения эксплуататорских классов. К счастью, полного разрушения норм не произошло, поэтому можно говорить об временном кризисном состоянии литературного языка в 20-30-е гг., об обратимости и преодолении этого кризиса.

В эти годы наблюдается снижение «удельного веса» *территориальных диалектов* в структуре национального языка и их значимости для языка художественной литературы. Это было вызвано сокращением общего числа носителей диалектов и ростом городского населения; разрушением изолированности говоров в связи с развитием транспорта, связи, почты, библиотек; вытеснением говоров из повседневного

речевого обихода сельских жителей по мере освоения ими литературного языка. Так обозначилась тенденция к разрушению местных говоров. Кризис территориальных диалектов был тогда неочевиден и мало заметен по сравнению с кризисом литературного языка, однако необратим и непреодолим.

Другие же формы существования национального языка наоборот укрепили свои позиции. Возрастает значимость «языка города», в частности *социальных диалектов* — воровского арготизма, профессиональных и возрастных жаргонов. В развитии социальных диалектов можно выделить следующие тенденции:

1) постепенно разрушается корпоративная замкнутость воровского арготизма, частично нивелируется его криптофонная функция, большое число арготизмов переходит в общий обиход и используется в качестве средства выражения экспрессии в публичной коммуникации;

2) арготизмы все чаще употребляются в языке художественной литературы в качестве стилистического средства, обладающего высокой степенью эмоционального воздействия или в целях речевой характеристики персонажа;

3) формируется молодежный интержаргон, объединяющий жаргоны беспризорников (с сильным влиянием воровского арготизма), школьников (с влиянием дореволюционного бурсацкого жаргона), молодых рабочих (с влиянием профессиональных жаргонов), а также студентов — речевой элиты молодежи, давшей впоследствии мощный толчок развитию сленга.

Укрепляет свои позиции в системе национального языка и *городское просторечие*. С одной стороны, упрочение позиций и развитие просторечия было обусловлено изменением его положения в системе национального языка и отношения к литературному стандарту. Именно в эти годы активизируется процесс превращения просторечия из категории сугубо *нормативной* в категорию *нормативно-стилистическую*: просторечные элементы, ранее однозначно недопустимые в художественной речи, все чаще стали использоваться в языке художественной литературы как особое изобразительно-выразительное средство или в целях речевой характеристики персонажа — выходца из городских низов. Позже это новое качество просторечия было зафиксировано словарями и отражено в системе стилистических помет, а также обосновано академической наукой в виде дифференциации литературного и внелитературного просторечия. Развитие нормативного статуса просторечия выражается и в том, что оно, выступая в качестве яркого стилистического средства в художественной литературе, начинает движение в сторону разговорного слоя литературного языка.

С другой стороны, развитие этой формы существования национального языка связано с качественными преобразованиями внутри самого просторечия и обусловлено изменением его связей с нелитературными языковыми сферами — территориальными и социальными диалектами. Качественная трансформация просторечия выражается в том, что изменились основные источники пополнения просторечного лексикона. Ранее, в XIX — начале XX вв., просторечие

развивается на *интердиалектной* основе, выступая в роли своеобразного городского койне и включая в себя некогда территориально ограниченные единицы, получившие всеобщее распространение. С течением времени *диалектизированное* просторечие постепенно утрачивает свою былую экспрессию и «устарева-ет». Так «старое» просторечие, генетически связанное с областными говорами, растворяясь в нейтральном разговорном слое, теряет свои позиции «поставщика» экспрессивно окрашенной лексики.

Потребность в свежих экспрессивных средствах выражения в 20-30-х гг. XX в. и позже реализуется путем массового освоения лексики арготического и жаргонного происхождения. Именно в то время многие единицы блатной фени в течение короткого времени были освоены просторечием. На смену «старому» просторечию, связанному с интердиалектом, приходит «новое» просторечие, основу которого составляют интержаргонные языковые явления. Так постепенно складывается новый тип *жаргонизированного* просторечия, формирование которого связано с разрушением корпоративной замкнутости воровского арга, групповых и профессиональных жаргонов и их активным проникновением в обиходную речь, в язык художественной литературы. Дальнейшее продвижение городского просторечия по пути его сближения и слияния с социолектами привело к формированию особой подструктуры национального языка, которую мы называем *русским сленгом*.

Таким образом, можно утверждать, что демократизация всех сторон общественной жизни России в 20-30-е гг. XX в., которая была вызвана кардиналь-

ными политическим, экономическими, демографическими и культурными преобразованиями, способствовала изменению некоторых языковых функций, демократизации литературного языка, проявившейся в изменении контингента его носителей и в массовом освоении субстандартных лексико-фразеологических единиц, а также в качественном преобразовании просторечия. Трансформация просторечия как языкового варианта, находящегося на пограничье между нелитературными сферами и литературным стандартом, выразилась в том, что изменился его нормативный статус и были заложены основы формирования нового типа просторечия — жаргонизированного, элементы которого составили основу русского сленга, активное развитие которого продолжается по сей день.

1. Грачев М.Н., Мадатов А.С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив. М.: АЛКИГАММА, 2004. С.57-58.
2. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London, 1991. P.15.
3. Schmitter Ph.S. Democratization, Waves of // Encyclopedia of Democracy. Vol.2. N.Y., 1995. P.347.
4. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города (об изучении городского арга) // Русская речь. Новая серия. 3. Л., 1928. С.61-62.
5. Елистратов В.С. Арга и культура // Елистратов В.С. Словарь московского арга. М.: Рус. словари, 1994. С.636.
6. Поливанов Е.Д. Революция и литературные языки Союза ССР // Поливанов Е.Д. Избр. работы. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С.190.
7. Поливанов Е.Д. О блатном языке учащихся и «славянском» языке революции // Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М., 1931. С.171.